

Протоиерей Алексей Уминский

ИСПОВЕДЬ

Тайна примирения

Мой грех
искажает мир

Любовь
изгоняет страх

Нет греха
непростительного

Словом «прости»
побеждается сатана

Борющиеся
будут спасены

Кающемся
Господь дает мир свой

протоиерей
Алексей Анатольевич Уминский
Исповедь. Тайна примирения
Серия «Открывая Православие»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6090271

Исповедь. Тайна примирения. / Уминский Алексей, протоиерей: Никея;

Москва; 2018

ISBN 978-5-91761-852-4

Аннотация

Исповедь, несомненно, является очень важным, ключевым рубежом на пути человека к Богу. Таинство исповеди, с точки зрения учения Церкви, – это действие, в котором Господь освящает нас, но и мы прилагаем усилие, чтобы приблизиться к Своему Творцу, и в этом богочеловеческом единении невидимо и непостижимо, но осязаемо Дух Святой преображает нас.

Яркой особенностью этой книги является ее глубокое, но в то же время вполне доступное содержание, делающее ее интересной как для людей, только задумывающихся о необходимости подготовки к исповеди, так и для христиан, уже исповедующихся, но желающих участвовать в Таинстве более осознанно.

Содержание

Предисловие	5
Глава I	8
Высоко достоинство человека	8
Зло само по себе есть ничто	12
При таких благах какое избрал ты зло	16
Послушанием одного сделаются праведными многие	18
Мой грех искажает мир	20
На каждое слово сказать «прости»	23
Глава II	26
Долготерпит нас Господь, не желая, чтобы кто погиб	26
Спасительная сила Божия	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Протоиерей
Алексей Уминский
Исповедь. Тайна
примирения**

Памяти сына

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Рус-
ской Православной Церкви*

ИС11-115-1612

Предисловие

Как можно развить наши способности, чтобы жить согласно с заповедями Христа, согласно со Святым Духом? Только одно имеет значение: сохранить напряжение молитвы и покаяния.
Архимандрит Софроний (Сахаров)

Одна из самых существенных задач современной приходской жизни – созидание общин. Часто бывает так, что, придя в Церковь, человек оказывается в одиночестве: он ходит на службы, участвует в Таинствах, читает книги, общается с духовником, но дальше этого не идет; и после нескольких лет такого «атомизированного» существования он начинает чувствовать разочарование и усталость от своей церковной жизни. И это естественно. Индивидуально-аскетическая составляющая Православия – всего лишь часть его; если ограничить христианство только ею, то духовная жизнь неизбежно становится неполной, ущербной; в ней не реализуется главное – любовь Христова, к осуществлению которой призван христианин. Полнота благодатных даров, которую получает человек в Церкви, может раскрыться только в условиях общины, живого церковного организма.

За прошедшие пятнадцать лет свободы мы увидели, что становление общин – дело очень сложное; практически их очень мало. Для того чтобы люди, ходящие в один и тот же

храм и поэтому формально составляющие приход, явили собою подлинную Церковь, нужны три вещи. Община строится, во-первых, Евхаристией – ибо она есть не просто объединение людей, но Тело Христово;

во-вторых – целенаправленными пастырскими усилиями и, в-третьих – нравственным евангельским трудом каждого члена общины. Община невозможна, когда Евхаристия является пусть и высшим, но индивидуально-аскетическим средством личного освящения, когда евангельская нравственность подменяется внешней церковной дисциплиной, книжностью и «лубочностью» и когда пастырь все свое внимание посвящает лишь обустройению приходского быта.

Практический опыт созидания общинной жизни представляет предлагаемая вниманию читателя книга «Тайна примирения» протоиерея Алексия Уминского, настоятеля московского храма Живоначальной Троицы в Хохлах, духовника Свято-Владимирской православной гимназии, ведущего телевизионной программы «Православная энциклопедия». Беседы отца Алексия посвящены Исповеди и Причастию, но они выходят за рамки просто назидания «как правильно готовиться к этим Таинствам». Рассуждения отца Алексия о соотношении Таинства Покаяния и Евхаристии, о недопустимости навязывания священству роли старчества, о том, что в момент исповеди священник представляет собой Церковь, и многие другие представляются мне очень существенными именно в церковно-общинном контексте. Кни-

га содержит немало и весьма ценных практических советов: о частой исповеди и частом причащении, о недопустимости гипертрофированного «страха греха», о вреде в связи с этим брошюрок и книг «в помощь кающимся», наконец, о том, что главное препятствие к подлинному покаянию – ложь самому себе. Достоинством книги является то, что беседы протоиерея Алексия – живая речь, идущая от сердца; но при этом очевидно мастерство автора в области человеческого общения: мысли выражены ясно, четко, с исчерпывающей полнотой.

Надеюсь, что книга бесед «Тайна примирения» будет интересна многим православным христианам и принесет им большую пользу в осмыслении своего участия в Таинствах Покаяния и Причащения и углублении представлений о подлинном церковном смысле общинной приходской жизни.

Игумен Петр (Мещеринов)

Глава I

Словом «прости» побеждается сатана

*О братья, вся земля, покайтесь, покамест есть время. Проси, и Господь простит.
Прп. Силуан Афонский*

Высоко достоинство человека

*Высоко достоинство человека. Смотри, каковы небо, земля, солнце и луна; и не в них благоволил упокоиться Господь, а только в человеке.
Прп. Макарий Великий*

Насадил Господь рай и поместил туда человека, чтобы человек владел этим великолепием. Все в раю создано ради человека. Господь, абсолютно самодостаточный в Своей неизменной полноте, ни в чем не нуждается. Не нуждается Он и в человеке. Но по величайшей Своей любви Господь творит человека, как центр Вселенной, даруя ему Свой образ и все видимое и невидимое, чтобы человек этим миром владел, возделывал его, сохранял и, совершенствуясь в общении с Богом, преображал и мир вокруг себя.

Все в раю принадлежало человеку, в том числе и древо познания добра и зла. Но странную заповедь дал Господь, по которой человек мог вкушать от всех плодов в райском саду, кроме плода от древа познания добра и зла. И сказал Господь человеку: *в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2: 17).

Кажется, как странно, человек, сотворенный на этой земле, чтобы владеть миром, должен разбираться и в себе, и в этом мире? Почему же не прикасаться к этому дереву? Как же тогда узнать, что такое добро и что такое зло? Но Господь повелел: «не прикасаться! не вкушать!» Но почему? А потому, что добро и зло по-разному познаются.

Если вдуматься, добро в полной мере было доступно Адаму в раю: весь мир, о котором Господь сказал, что это хорошо (по-церковнославянски *добро зело*— Быт. 1: 31), был у него перед глазами. Сам Бог пребывал с человеком, говорил с ним, давая возможность Его познавать, двигаться к Нему, стать, наконец, подобным Богу, осуществив высшее предназначение человека – стать, как Бог, стать самим Богом. Замысел Бога о человеке, о его личности, свободе и достоинстве состоял в том, чтобы человек познавал высоту и силу добра, наполнялся им, чувствовал его в себе самом и в постепенном приобщении к нему получил бы силы и могущество побеждать зло, оставаясь совершенно к нему не приобщенным. Запрет был наложен именно на приобщение ко злу, то есть на соучастие в нем. Познаешь – и *смертью умрешь* (Быт.

2: 17), – предупредил Господь, оберегая Свое неокрепшее создание от смертельной опасности. Раскрывая в себе Божественный образ через приобщение к Богу, человек должен был в добре победить зло, не приобщаясь к нему, победить любовью и добром. Адаму же, не вкушившему еще добра, не познавшему его во всей полноте, нельзя было познавать зло в любом его виде, и тем более через его вкушение.

Вот закон, неизменный от Адама до настоящего дня: если человек познает зло, приобщаясь к нему, он тут же принимает его в себя, соединяется с ним и им побеждается. Запрещение вкушения плода от древа познания – это прообраз поста, раскрывающий его глубинный смысл. Древо познания – это древо различения, древо победы добра над злом. Не утвердившись в добре, человек не может вступать в борьбу – ведь он сам еще не добр. Пост был наложен с единственной целью, чтобы человек, свободной волей приобщившись к добру, смог победить зло.

Рай затворен, но древо познания добра и зла, древо их различения, заложено в каждом человеке – это его совесть, которая, по словам аввы Дорофея, есть тот естественный закон, который открывает человеку, что есть доброе и что есть злое, от зла охраняет, а к добру приобщает. Приобщение к добру просвещает человека и согревает его сердце, помрачает же и оледеняет – отступление и выбор зла.

И сейчас тот же соблазн исходит от мира: «Все надо попробовать, все надо испытать... Как же ты проживешь, не

зная того и другого...» Зло, которое творится вокруг, нам все время рекламируют и преподносят как соблазнительное блюдо, которое мы обязательно должны съесть. И человек опять вкушает запретный плод, пренебрегая первой заповедью, данной ему Богом: *не вкушай, смертью умрешь* (Быт. 2: 17).

Зло само по себе есть ничто

*Зло само по себе есть ничто, ибо оно не есть
какое-либо существо и не имеет никакого состава.
Авва Дорофей*

Из предания Церкви мы знаем, что человек пришел в мир, в котором уже существовало зло. Что же такое зло? Откуда оно появилось? Как следует христианину относиться к нему? Разные религиозные системы по-разному разрешают вопрос о соотношении добра и зла.

В дуалистических моделях восприятия мира добро и зло существуют на равных, причем они взаимопроникающи: в добре есть зло, и наоборот. Такая модель очень популярна, и, принимая ее, человек признает изначальное существование зла и отсутствие возможности точного определения, что такое добро и что такое зло, потому что они равны между собой, могут переходить одно в другое и не имеют внешних критериев для различения.

Поэтому во многих восточных культурах и религиях посмертное существование и спасение – это не пребывание в добре, а состояние, выводящее человека за пределы добра и зла. Нирвана, слово очень популярное в современном мире, является не бытием, а выходом из мучительного круга перевоплощений и представлений о добре и зле. А для христианина смысл спасения заключается в том, чтобы, соединив-

шись с Богом как с источником любви и добра, войти в полноту бытия – в вечную жизнь. Но что же такое в христианском понимании зло и какое отношение оно имеет к добру?

Носителем зла Церковь называет сатану. Глава в Книге пророка Исаи и Апокалипсис Иоанна Богослова приоткрывают завесу над доисторической катастрофой – первым бунтом твари против Творца. Денница, «первый светоносец», прекраснейший ангел, сотворенный светлым и добрым, стал личностным представителем зла, возгордился и отпал от Бога, не захотел подчиниться Закону Божию и признать в человеке создание выше себя. Отныне мятежная тварь стремится погубить все, что Господь сотворил прекрасного и возвышенного, и прежде всего того, кому предназначен был служить, – человека.

Из самой истории зарождения зла становится ясно, что зло – это отпадение, отрицание, не несущее в себе созидательного начала. Может быть, поэтому ему трудно дать точное определение. Легче провести такую аналогию. Что такое тьма? Отсутствие света, она не имеет своего бытия: *Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы* (1 Ин. 1:5). Но там, где нет света, его место занимает тьма. Точно так же и зло – это отсутствие добра или его искажение, это добро, которое отпало от Бога, исказило свое бытие, но собственного онтологического бытия оно не имеет.

Бытие имеет только то, чему Господь сказал: *да будет!* (см.: Быт. 1). Зла Он не создавал и не говорил этого греху. А

того, что Бог не создавал, того, говоря строго, и нет.

Значит, абсолютного зла не существует, существует абсолютное добро. Поэтому зло бессильно: оно не имеет ни собственно бытия (сама природа творения лежит в Божественном замысле о его доброте), ни собственного продолжения (его существование ограничено временем), ни собственной силы (он пользуется только тем, что может захватить и на чем может паразитировать).

Даже сам предельно изуродованный носитель зла не есть абсолютное зло. Светлый Херувим, которого мы называем сатаной, вышел из рук Господа полным добра и силы. Это потом его добрая природа была искажена до такой степени, что посмела противопоставить себя Богу, стать антиприродой.

Если Бог абсолютно благ, бесконечен и вечен в Своем добре, то совершенно очевидно, что по сути своей, будучи творением, сатана не может обладать абсолютным злом, как бы ему этого ни хотелось. Этого ему просто не дано – все абсолютное принадлежит только Богу. Как бы ни стремился сатана казаться совершенным богом со знаком минус, увлечь этой идеей неразборчивых ангелов, как это было в начале творения, или людей, способных поверить в подобное безумие, его притязания все равно останутся безосновательными, потому что такого просто не может быть.

Своей собственной силой сатана не обладает, и поэтому все, на чем паразитирует падший дух, это энергия и сила

добра, которые были ему изначально даны, как величайший Божественный дар. А то, что является даром Божиим, что Господь сотворил как добро, несмотря ни на что, даром Божиим остается, хотя порой его можно исказить до такого страшного состояния, из которого, кажется, и возврата нет.

Безбытийность зла лишает его возможности так исказить человека, чтобы он до конца потерял образ Божий. Даже в своем самом предельном богопротивлении и демоноподражании человек все равно остается образом Божиим и способен достичь спасения через покаяние.

При таких благах какое избрал ты зло

При таких благах какое избрал ты зло! После такой славы какой несешь на себе стыд! Почему теперь так омрачен ты, так обезобразен, так бременен? После такого света какая тьма покрыла тебя!

Прп. Макарий Великий

Первый человек был сотворен имеющим в себе одновременно как возможность стать бессмертным, так и возможность умереть. Являясь Божественным даром, а не природой человека, залог бессмертия давал ему возможность через самосовершенствование, через послушание Богу духовно дорасти до того, чтобы он стал его природой.

Дар бессмертия – это приобщение к Богу, к самому источнику жизни. Но человек не приобщился к жизни в раю. В раю он приобщился к смерти. Человек захотел жить без Бога, а жизнь без Бога – это и есть смерть. Это ужасно звучит: приобщился к смерти там, где должен был приобщиться к жизни. Человек приобщился ко греху всем своим существом, и грех страшным образом исказил его природу. Творение отпало от своего Творца. Грех открыл дорогу смерти. Человек, имевший такую возможность – не умирать, стал смертным и был изгнан из места жизни, где все существующее имеет

вечное бытие. Грех Адама, его отпадение от Бога, могли бы стать вечным уделом всего человечества, если бы Бог по милосердию Своему не изгнал Адама из рая во временный мир, чтобы смерть не стала его вечным состоянием, чтобы сатана не победил его до конца.

Мы все приобщены к смерти через первородный грех, и, хотя в Святом Крещении он прощается, последствия греха, к сожалению, остаются. Поврежденная человеческая природа должна быть исцелена самим человеком, которому суждено жизнью своей преодолевать последствия грехопадения Адама – идти в обратном направлении, не вкушая от древа познания добра и зла, а приобщаясь только к добру.

Действие зла в мире продолжается, человек вновь приобщается ко греху, вкушает запретный плод, и зло искажает его снова и снова. Мировая история повторяется в истории каждого человека.

Послушанием одного сделаются праведными многие

*...Как непослушанием одного... сделались многие
грешниками, так и послушанием одного сделаются
праведными многие.*

Рим. 5: 19

Зло могло быть побеждено еще в раю. Сатана, творение, наделенное свободной волей, мог быть побежден только свободным творением, и эту победу должен был одержать Адам – победить зло в раю, как человек, и тем осуществить свое Богочеловечество. Но он этого не сделал. Господь мог бы, как и может, всемогуществом Своим воспретить злу присутствовать в мире, совершенным словом Своим просто уничтожить его. Но Он поступил иначе, потому что тому живому, что Он сотворил, и Ангелам, и человеку, Он дал свободную волю. И, однажды даровав человеку свободу, Господь никогда ее не отбирает.

Бог спасает человека иначе: Сам становится Человеком в этом мире, во всей полноте принимает на Себя человеческую природу, чтобы все-таки победить зло не как Бог, а именно как Человек, а потом дать возможность каждому человеку снова приобщиться к Богу, чтобы снова победить. И Он побеждает сатану во всей силе Своей человеческой природы,

во всей полноте ее богоприобщенности, чтобы каждому из нас тоже даровать такую возможность – снова и снова своим свободным произволением побеждать зло, приобщаясь к добру.

Но в нас живет память о согрешившем Адаме, и эта память вновь и вновь толкает нас обмануть Бога, согрешить против Него, коснуться запретного плода, стать самодостаточным в самом себе.

Мы гораздо более сопричастны добру, чем искажены злом. Зло, не имеющее сущности, явившееся лишь следствием недуга человеческой души, не в состоянии до конца победить человека, для которого добро естественно, а зло противоестественно. Поэтому у каждого христианина есть силы победить зло, и, значит, в самом человеке добро обязано побеждать зло, если он прилагает к этому усилия. Человек не может себя оправдать тем, что он не в силах с собой справиться, потому что он имеет огромный запас помощи Божией и собственной силы, чтобы, преодолев любой грех, победить в себе сатану.

Это путь, по которому должен пройти каждый. Господь ведет нас этим путем, давая нам возможность снова вернуться в рай, снова и снова принять то, что было дано человеку в раю, где он пребывал во всей своей красоте, во всей своей гармонии, чтобы эта красота, воспринятая как дар, стала его собственностью, его природой, его действительно нестираемым образом Божиим.

Мой грех искажает мир

*Велика была скорбь Адама по изгнанию из рая, но когда он увидел сына своего Авеля, убитого братом – Каином, то еще большею стала скорбь его, и он мучился душою, и рыдал, и думал: «От меня произойдут и размножатся народы, и все будут страдать и жить во вражде и убивать друг друга». И эта скорбь его была велика, как море.
Прп. Силуан Афонский*

У каждого человека свои особенные дары. Как пишет апостол Павел: *И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки. Все ли Апостолы? Все ли пророки? Все ли учителя? Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Все ли истолкователи?* (1 Кор. 12: 28–30). Все люди очень разные. Они сотворены так, чтобы каждый в каждом нуждался, чтобы один без другого не мог осуществить себя как человек во всей полноте.

Человечество создано как семья, призванная жить общечеловеческой жизнью, постоянно помогая друг другу и, по слову апостола Павла, неся тяготы друг друга, чтобы исполнить закон Христов (см.: Гал. 6: 2). Но жизнь каждого человека неразрывно связана с жизнью всех людей, потому что

человечество задумано Богом не просто как семья, а как единый церковный организм. Так, например, супружество есть осуществление этой полноты человечества, когда двое становятся единым существом – два плоть едина (см.: Мф. 19: 5).

По мысли сербского богослова при. Иустина Поповича, уже в раю человечество было задумано как Церковь: каждый человек так сильно связан с другими людьми богоподобной церковной природой, что в предстоящем он будет иметь возможность осуществиться как Церковь. Развитие способностей и добродетелей каждого человека является естественным созиданием всего человечества, как богоподобного Адама, который становится новым человеком, а новое человечество – осуществленной Церковью.

Но подобная связь страшным образом проявляется в падшем человечестве: грех, в природе которого заложено свойство распространения, разрушает не только человека, он разрушает все человечество в целом. Через Адама приходят в мир грех и смерть: грех одного человека и его смертность становятся уделом всех. Адам виноват перед всем человечеством, перед каждым из нас. Но тогда и каждый из нас через свой грех виноват перед всеми.

Если мы хотим начать борьбу со злом, для этого необходимо прежде всего искоренить зло в себе, и, только если нам удастся победить сатану в самих себе, нам удастся это сделать и вокруг себя. Но если мы не начали эту борьбу, то име-

ет ли смысл спрашивать тогда: «Почему существует страдание? Почему умирают дети? Почему торжествует ненаказанное зло? Почему так много несправедливости в мире?» Если человек будет честен перед самим собой, он должен будет ответить: «Это мой грех искажает мир, и мое зло ко мне же возвращается».

По ком звонит колокол? Он звонит по тебе.

На каждое слово сказать «прости»

Прежде всего, братия, нам нужно смиренномудрие, чтобы быть готовыми на каждое слово, которое слышим, сказать «прости».

Авва Исаия

Какие простые слова говорят святые отцы: «Словом „прости“ побеждается сатана». Именно это нам и надо сделать: просто победить сатану.

И оказывается, что это действительно просто. Надо только уметь искренне сказать «прости» на всякое дело, во всяком месте и всякому человеку. И как только мы внутри себя от сердца говорим это слово, мы разрываем связь с сатаной. Ведь единственное существо в этом мире, не способное сказать «прости», – это злобный дух вражий.

Если бы случилось невозможное и дьявол смог бы переступить через свою гордыню и покаяться, его больше не существовало бы, он бы немедленно вернулся в свое высочайшее архангельское достоинство. Он снова стал бы Ангелом, если бы смог... Но сделать этого он уже не может.

Но это может сделать человек. Как только он произносит великое слово «прости», Господь откликается, прощает человека, и в нем чудесным образом проявляется потерянное в грехе Божественное достоинство. Состояние гордыни, помяченности, злобности вдруг исчезает, и преображенный

человек приобщается к жизни ангельской. Покаянием сокрушаются все козни, отражаются все стрелы врага, бессильного пред словом «прости». Сети, которые с такой тщательностью и изощренным хитроумием он расставляет человеку, разрываются, и перед нами открывается потерянная дорога в рай.

Покайтесь, – призывает Спаситель, выходя на проповедь, – *приблизилось Царствие Небесное* (Мф. 4: 17). Только так совершается возвращение в Царствие Небесное, дарованное нам Господом Его победой над сатаной. Он не просто возвращает нас в место блаженства, а дарует неизмеримо больше того, что было дано Адаму в раю. Человеку, сотворенному в земном раю, открывается рай небесный, вместо мира земного – Небесное Царство, которое неизреченно, непознаваемо, которое совершенно никак не определено, кроме того, что это есть Царство Божией любви, Царство Его настоящей жизни.

Вот что нам даруется вместо потерянного земного блаженства! И только одно слово «прости», сказанное всею жизнью человека, – не случайно, не впопыхах, не формально, не в один-единственный день в году, а всею нашей жизнью, – открывает нам эту дверь. Открывает каждому: разбойнику и праведнику, мытарю и фарисею, блуднице и целомудренной – всем.

И когда мы оказываемся способными всей жизнью своей всегда говорить «прости», это значит, что мы всегда оказы-

ваемся победителями сатаны. Только это и возвращает нас в рай. И этому слову мы будем учиться всю жизнь, чтобы оно стало нашим главным оружием в победе над злом. Потому, что невозможно победить его иначе, как только по-настоящему начать духовную борьбу.

Глава II

От грехов освобождаемся через покаяние

От прародительского греха освободились мы через Святое Крещение, от тех же грехов, на которые дерзали мы по крещении, освобождаемся не иначе, как через покаяние.

Прп. Максим Исповедник

Долготерпит нас Господь, не желая, чтобы кто погиб

Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию.

2 Петр. 3: 9

Живя в этом мире, каждый день сталкиваясь с проблемами и ситуациями, которые кажутся совершенно безвыходными, трудно бывает поверить в то, что нам дарована свобода, что мы можем хоть как-то повлиять на свою судьбу. В минуты отчаяния кажется совершенно очевидным, что Бог нас не

слышит, не любит и не желает нам спасения.

Действительно, зависит ли в нашей жизни хоть что-то от нас самих? Способна ли наша собственная воля каким-то образом изменить нашу жизнь?

От подобных настроений легко прийти к выводу, что не всем дано в этом мире спастись. Некоторые религиозные направления утверждают, что есть люди, особым образом избранные Богом для спасения, а есть такие, у которых, как бы они ни трудились, как бы ни старались, ничего не получится. Одни призваны ко спасению, другие – к гибели, и результат дела спасения от человека не зависит.

Такие тяжелые мысли могут возникнуть даже при чтении Священного Писания. *А ты кто, человек, что споришь с Богом?* – говорит апостол Павел. – *Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?» Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?* (Рим. 9: 20–21). Читаешь эти строки, и закрадывается мысль, что если создал тебя Господь горшком, то ничего, кроме горшка, из тебя и не выйдет. Действительно, не существует ли страшной предопределенности о людях, которые не могут спастись в принципе?

Но на это нам отвечает само Евангелие, говоря, что Бог не желает смерти грешника, что нет Божией воли, *чтобы погиб хоть один из малых сих* (Мф. 18: 14). Воля Божия заключается в том, чтобы *все люди спаслись и достигли познания ис-*

тины (1 Тим. 2: 4).

У аввы Дорофея есть замечательный пример того, как суды Божии не похожи на суды человеческие и насколько иначе может смотреть на человека Господь, чем смотрим на ближних своих мы своим немилосердным и лишенным любви взглядом.

Он пишет, что в одном городе продавали рабов. На рынок пришли две женщины: одна – монахиня, а другая – блудница. Они увидели, что продают двух девочек, и монахиня купила одну девочку, чтобы воспитать ее в страхе Божиим, а вторую девочку купила блудница, чтобы сделать ее сосудом греха в сто раз хуже себя.

Спрашивается, если эти две девицы, повзрослев, согрешат одним и тем же грехом, скажем – блудом, неужели Господь будет их судить одинаково? «Конечно же, нет», – отвечает авва Дорофей. Господь знает, кому что было дано, в какой ситуации каждый прожил и как оплакал потом свой грех. Каков будет Его суд? Это известно только Ему Одному. И в какой мере человек проявляет свою свободу и свою волю ко спасению, тоже судить не нам.

Но единственное, в чем мы можем быть уверены, так это в том, что в какой бы стране и с каким бы цветом кожи человек ни появился на свет, на каком бы языке ни разговаривали его родители и какие бы представления о мире они ни имели, каждый человек рожден ко спасению. Любого человека, рожденного как в Новой Гвинее, так и в Нью-Йорке, в семье

миллиардера или в семье бедняка, ищет Господь, чтобы спасти его бессмертную душу; чтобы она встретила с Ним в этой жизни; чтобы при выборе между добром и злом человек оказался способным по велению своей совести выбрать добро; чтобы естественный Закон Божий, который Господь вложил в каждого из нас, как совесть, как призыв к Богоподобию и христианству даже в нехристианине, был осуществлен до самого конца.

Мы знаем о Боге не только то, что Он Вездесущий, но что Он еще и Всеобъемлющий. «Вседержитель», – говорим мы. Для иудеев того времени Бог как Отец воспринимался как прежде всего Бог – Отец иудеев, Бог определенного народа, которому Он принадлежит по праву богоизбранности. Такое мнение может сложиться и у каждого, кто каким-то образом исповедует свою веру как богоносную, настоящую, истинно православную.

Но вот в молитве «Отче наш», в обращении к нашему Отцу, почему-то добавлены слова: *Иже еси на небесех*. Зачем? Ведь и в Ветхом Завете, и в заповедях постоянно упоминается, что Господь не имеет общего ни с чем материальным; и есть заповедь, чтобы не сотворить себе кумира *из того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли* (Втор. 5: 8). Но когда мы говорим: *Сущий на Небесех*, – мы исповедуем отцовство Божие всеобъемлющее.

Наше исповедание заключается именно в том, что мы признаем Бога Отцом для всех людей, так как Он – на небесах.

Имеются в виду, конечно, не чувственные небеса, не небеса, состоящие из определенных слоев атмосферы, каких-то газов и т. д., а мир духовный, который больше, чем мир земной, мир невидимый, который больше, чем мир видимый, – мир всеобъемлющий. И посему и отцовство, которое заключено в Боге, покрывает собой все творение Божие, и нет в этом мире ничего, что не было бы покрыто Его Божественной любовью. Поэтому всякое существо, сотворенное Богом, как существо живое и богоподобное, принадлежит Его отцовству, а не только мы, *род избранный, царственное священство* (1 Петр. 2: 9), как привыкли о себе думать православные христиане.

Каждый человек сотворен Богом как богоподобная личность, как сын. Поэтому Тертуллиан, древний учитель Церкви, так и говорит: «Душа по природе своей христианка». То есть всякий человек, где бы и когда бы он ни родился, всегда рождается прежде всего как христианин, чтобы стать христианином и в Боге познать своего Отца. Нет для Бога никого, кто был бы Ему чужд. Это надо знать каждому из нас, потому что в этом заключается Промысл Божий о мире.

В Послании к Римлянам апостол Павел пишет, что даже язычники могут исполнить Закон Божий (см.: Рим. 2: 13–16), не зная его, хотя сама религиозная система, которую они исповедуют, может обманывать и уводить далеко от спасения. Закон Божий написан в сердце каждого человека – это его совесть, путеводитель ко Христу. Когда человек, для ко-

торого совесть стала главным законом жизни, слышит о Христе, происходит настоящая встреча.

Как бы низко человек ни пал, даже на самом дне тяжких человеческих изуверств, существует выбор между добром и злом. Он есть всегда. Церковь учит, что Господь до ада сошел, когда искал погибшего Адама. В песнопениях Страстной седмицы поется: *На землю стел еси, да спасеши Адама, и на земли не обрет сего, Владыко, даже до ада снишел еси ищай.* До таких глубин человеческого зла, в такие глубины ада спустился Господь, что ад был исчерпан схождением Христовым.

Кающемся грешнику обязательно надо знать, что не осталось такого человеческого состояния, в которое не погрузил бы Себя Господь, такой бездны порока, в которую не спустился бы Господь, нет такого греха, который Господь не очистил бы, и не придумал сатана такого зла, которое Господь не исцелил бы.

Это становится очевидным на исповеди. Каждый священник чувствует это, встречаясь с человеком, который, по обывательскому представлению, уже никак не может быть уврачеван. Иногда исповедуются люди, жизнь которых не вписывается в рамки представления о нормальном, кажется невероятным, что таких людей земля носит. Но сама их исповедь говорит о том, что

Господь ждет любого негодяя, любого изгоя, – и только сам человек может настолько далеко уходить от Бога, чтобы

совершенно этого не чувствовать.

Вернуться к Богу – это значит прислушаться к голосу своей совести, которым стучится Господь в каждое человеческое сердце. Если только человек прислушивается к нему, он тут же вступает на путь спасения. Но, говоря, что наш Отец *Сущий на Небесех*, мы должны понимать, что сыновство наше – тоже небесное. Оно осуществляется нами, как проникновение в Небесное Царство, когда и мы осуществляемся таким же чудесным образом, каким оно даруется нам свыше.

Спасительная сила Божия

Таинство есть священнодействие, через которое тайным образом действует на человека благодать, или, что то же, спасительная сила Божия.
Свт. Филарет Московский

В Пространном христианском катехизисе святителя Филарета Московского о Таинстве Покаяния сказано так: «Покаяние есть Таинство, в котором исповедующий грехи свои при видимом изъявлении прощения от священника невидимо разрешается от грехов Самим Иисусом Христом».

Но ни одно из Таинств не может быть раскрыто до конца, не может быть исчерпано словом катехизиса или внешним описанием. А Таинство Покаяния менее других поддается описанию, потому что в нем заложена какая-то двойная тайна: оно еще более сокрыто и не имеет внешнего проявления.

Именно внешнее описание Таинства Покаяния представляет большие трудности, тогда как все остальные имеют определенное богослужение. Так, Таинства Крещения и Венчания изначально входили в состав Божественной литургии, а Соборование является богослужением утрени. Кроме того, всякое Таинство имеет и свой богослужебный характер, молитвенную и описательную форму. А о Таинстве Покаяния такого сказать нельзя. Оно имеет, конечно, свое чинопоследование, читаются положенные предначинательные молит-

вы, готовящие грешника к покаянию, но они не имеют никакого совершительного значения.

Мы знаем, что центром Таинства Крещения является богослужебный момент, когда священник троекратно погружает крещаемого в купель со словами «Крещается раб Божий (имярек) во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». При Венчании священник трижды благословляет пару: «Господи Боже наш, славою и честью венчай их». Мы хорошо знаем, как совершают Таинства Евхаристии и Елеосвящения. Эти Таинства можно наблюдать, снять на пленку, показать, объяснить последовательность их совершения, описать в катехизисе.

А что происходит во время Таинства Покаяния? Какое священнодействие является в нем основным? Это Таинство наименее уставное и в общем не имеет внешней формы – определенной, устойчивой и неизменной. Складываясь в течение веков по велению Духа Божия, свободно меняясь в зависимости от требований времени, оно принимало различные формы, и ни одна из них не является устоявшейся.

В первые века христианства исповедь носила публичный характер, и исповедующийся нес ответственность именно перед Церковью. Исповедовались обычно те грехи, о которых апостол Иоанн Богослов говорит как о смертных: убийство, прелюбодеяние, а в периоды гонений – отступление от Христа. Церковь принимала отпавших, согрешивших разбоем, воровством, каким-то другим тяжким грехом, который

действительно не давал возможности человеку оставаться в Церкви. И тот, кто хотел вновь соединиться с Телом Христовым, исповедовал свои грехи перед всеми членами Церкви, которая принимала кающегося грешника или до определенного момента не принимала его, давая ему время для покаяния, также носившего публичный характер, с разными степенями несения епитимьи.

Публичная исповедь была для человека колоссальным духовным подвигом. Тот, кто был способен на такую исповедь, приносил глубокое покаяние и уже не имел возможности отступать. Исповедь несла в себе именно исцеление, через покаяние человек становился цельным, целостным, целомудренным, и вся остальная его жизнь была свидетельством принесения плодов покаяния, исправления, «жизни напоказ». Вся Церковь (и епископ, возглавлявший в раннехристианской Церкви общину, и вся община) следила за его покаянием, помогала ему в этом труде, видела, как брат становится другим, и с любовью принимала его. Венцом отпущения греха и примирения кающегося с Богом становилось Причащение Святых Христовых Таин, то есть вхождение в Тело Христово. Об этом, собственно, и говорит молитва, которую читает священник во время разрешения грехов: *Примири и соедини его святой Своей Церкви...*

Если Таинство Покаяния воспринималось как врачевство, примиряющее с Церковью человека, впадшего в грех к смерти, то повседневная исповедь происходила у человека

наедине с Богом. Свои каждодневные грехи христиане исповедовали келейно, на вечернем правиле. Такое покаяние существовало как образ жизни христианина, оно сопутствовало человеку всегда, а не время от времени, не от исповеди к исповеди. И его сердечное сокрушение и покаяние, видимые только Богом, тоже были по сути своей Таинством.

Конечно, мы говорим о раннехристианской Церкви в целом. Никогда не существовало такого идеального состояния, когда все члены Церкви были бы святыми и жили единым духом покаяния. Но духовный уровень жизни христиан первых веков во многом отличался от теперешнего.

Христиане не питали иллюзий относительно себя и понимали, что, крестившись, они сразу святыми не становились. Тем более что новообращенные приходили из языческого мира. Из житий святых мы знаем, что многие из них выросли в смешанных семьях, в которых, например, мать была христианкой, а отец оставался язычником. Христиане понимали, что грехи, которые они несут в себе как некую болезнь падшей природы человека: тщеславие, гордость, самомнение, самооправдание, лживость, – свойственны всякому человеку и преодолеть их возможно только христианским подвигом покаяния.

В дальнейшем, при возникновении монашества, практика исповеди стала меняться. Основа монашества – послушание, которое проявляется как полное предание воли послушника своему духовному наставнику. Духовное руководство в мо-

настыре стало осуществляться через исповедование помыслов старцу, духовному руководителю. С этим была сопряжена духовная аскетическая борьба. Причем духовником, т. е. тем, кто принимал помыслы – душевное и духовное состояние исповедника, чаще всего был простой монах, так как монашество в первые века не было иерархичным. Одной из традиций монашества было непринятие сана: монах уходил от мира и в силу своего смирения не мог принимать на себя священный сан.

В этот момент к монастырям потянулись за духовной поддержкой и миряне, потому что христианство стало принимать иные формы. Став государственной религией, оно, конечно, потеряло то напряжение духовной жизни, которое имело во времена гонений. Естественно, и грехов стало больше. В христианской среде стало проявляться некое нечувствие ко греху. В маленьких общинах все друг друга знали, все жили одной верой и исповедничеством этой веры и за веру отвечали своей жизнью и своей кровью. Когда христианство распространилось и стало обыденной, традиционной религией для многих людей, человеческая падшая природа начала брать верх над Духом Божиим, принятым человеком в Таинствах Крещения и Миропомазания. Высота и чистота христианской нравственности стали оскудевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.